

АННА МАСЛОВА

МАМА

РАССКАЗ

Таня проснулась до будильника, сразу глянула на часы — полседьмого, можно ещё чуть-чуть поспать. Но сна не было — кружились мысли. Так, главное не забыть букет. Платье поглажено, брюки с рубашкой тоже, мой сиреневый костюм готов. Анечка идёт в первый класс. Её маленькая девочка теперь школьница. Она даже в садик не ходила, а сегодня отправится в плаванье — в это незнакомое, чужое для неё школьное море.

Она же такая домашняя, как она сможет там без меня? Когда она успела так вырасти? Я будто не успеваю за ней. Ведь кажется, только-только она первый раз встала на ножки и прошла по коврику в гостиной — сразу весь наискосок пересекла, а потом плюхнулась на попу. Пошла! А по вечерам, после наших игр она расставляла все свои игрушки — каждую на место, аккуратненько, я налюбоваться не могла. Когда из этой малышки в жёлтых ползунках получился почти взрослый человек?

Она посмотрела на спящую рядом дочку. Та посапывала, положив ладошку под румяную щёку.

— Большая моя девочка... моя маленькая, — прошептала Таня. — Господи, спаси и сохрани её, пусть в школе у неё всё сложится благополучно, интересно! Пусть она учится хорошо, — помолилась она про себя.

— Кролечка, пора вставать, — погладила по кудрявым волосам дочку, пощекотала за ухом. Та недовольно заворчала, потянулась.

МАСЛОВА Анна Андреевна родилась в 1989 году в Москве. Окончила Российский православный университет, аспирантуру МГППУ. Работала психологом в московской частной школе "Кладезь" Москвы. В настоящее время ведёт психологический блог, работает с детьми, подростками и семьями в рамках индивидуальных консультаций. Живёт в Калуге.

Прозвище дочки родилось благодаря их любимой книжке “Винни-Пух”, они читали её вслух всей семьёй. Муж называл Таню Кроликом — потому что очень деловая, а Аня стала Крольчонком.

Кролечка села на кровати, протирая глаза.

— А? Уже? А мне снилось, как я в Нарнии гуляю с Настей... через наш шкаф попали... — сонно пробормотала она.

— Да? Ну, надо же. — Таня обняла тёплую спросонья дочку. Моя Заяшка... Вот как её отпустить в новый, чужой мир? — Хорошо, а теперь давай, побыстрее вставай, умывайся, а я кашу пошла варить. Пора собираться. Ты помнишь, куда мы сегодня идём?

— Ой, точно! В школу! — Аня радостно вскочила, а Таня по-деловому влезла в цветастый халат, крепко подвязалась поясом и пошла на кухню. В голове завертелась песенка “Учат в школе, учат в школе, учат в школе”, в этом ритме она принялась варить овсянку.

— Андрюш, ну, ты долго лежать будешь? Скоро вылетать пора! — она заглянула к мужу.

— Да-да, миленький, конечно. Доброе утро, кстати. — Он неторопливо поднялся, обнял её.

— Некогда обниматься, — отстранилась она, но потом пригладила его бороду, чмокнула в щёку, улыбнулась. — Доброе утро! Тебе чаю заварить?

— Да нет, Танечка, я сам.

Да, для мужа это святое — целый ритуал, состоящий из неспешных шагов. “Чай надо заваривать медленно, иначе не получится, — говорил он. — И главный еврейский секрет — не жалеть заварки”. А она так не может, вечно спешит переделать кучу дел, чтобы и порядок был, и чисто, и еда готова, и все накормлены... Бежит-бежит, но всё равно не успевает. Вот Аня почти выросла, а она как будто и не наигралась, не набылась с нею вдоволь.

— Анечка, всё готово. Иди ешь, а потом одеваться. Не торопись, каша горячая. — Она заботливо поставила тарелку на стол. Аня уселась, но, судя по хитрым глазам и довольной улыбке, мысли её витали где-то далеко от каши.

— Ну, как ты, готова в школу? — Таня пристроилась напротив, взяла себе бутерброд. Но тут же спохватилась и крикнула:

— Андрюш, ты чай заварить или нет?

— Да, сейчас, миленький, — ответил он с кухни. А Аня помешала ложкой в тарелке и задумчиво произнесла:

— Не знаю, но думаю, что готова. Я давно мечтала про школу! — заиграла смешная ямочка на щеке. — Так интересно... и страшновато. Но мы с Настей договорились вместе есть.

Да, хорошо, когда есть подружка, — они с Аней вместе ходили в воскресную школу, играли в спектаклях. Настя забавная, артистичная, но немного привирает — придумывает разные небылицы о себе. Аня, наивная, верит, потом пересказывает ей, а Таня не знает, смеяться или плакать.

Вошёл муж с двумя чайниками. Таня засуетилась:

— Давай, ставь сюда, нет, лучше сразу налей мне... Кролька, а ты чего сыр не ешь? Давай я тебе бутербродик сделаю. А чаю налить? Налей ей чаю, Андрюш. Давай, сливочек добавлю?

— Мама-кошка, ну, что ты всё своего котёнка облизываешь? — улыбнулся Андрей, погладив Таню по плечу. — Она сама большая уже, справится.

— Ну, а как же, ведь это мой любимый котёночек! — виновато засмеялась Таня.

— Я не котёнок и не маленькая, — заявила Аня, — Я вообще-то уже школьник!

— Ты жуи давай, школьник, а то опоздаешь, — усмехнулся папа.

“Да, она уже большая... Когда же я привыкну к этому? А может, для меня она так и останется всегда маленькой?” — подумала Таня.

— Не верти головой, а то на боку получится! Ну вот, петух вышел, он нам тут не нужен, — она заплетает Анины тёмные волосы, чувствует их

жестковатость. “Говорят, волосы — как характер. У меня они совсем мягкими стали. А какие в детстве были косы — длинные, толстые! Мама заплетала их и напевала: “Пёрышки у птички, у Тани две косички...”. До десятого класса я ходила с ними, а потом обрезала, решила стать модной”. До сих пор косы хранятся в шкафу, иногда она достаёт их и вспоминает...

— Ну, прям мои... мои волосы когда-то, — вздохнула она вслух, закалывая Анин завиток.

— Не твои, а мои, — Аня мотнула головой.

— Не вертись! Сегодня должна быть идеальная причёска! — она завязала резинкой кудрявистый хвостик косы, а на макушку ровно посередине заколола пышный белый бант.

— Не криво? погоди, дай переколо! Ну, куда побежала?! — она устремилась вдогонку за Аней, которая понеслась к зеркалу. Вид у дочки стал праздничным, хитрая улыбка расплылась по лицу, когда она глянула на своё отражение.

— Так, всё, теперь мне надо на себя что-нибудь набросать, хоть на человека стать похожей, — Таня открыла косметичку и начала похлопывать по щекам пальцами, наносит крем, торопливыми штрихами подводит глаза. Пробежала по лицу пуховкой от пудры, вздохнула: “Ох, опять эти синяки под глазами! Почему же я не сплю нормально?”

— Танечка, ну, что? Красивая, красивая! — поддразнил её Андрей. Он подошёл в серой наглаженной рубашке и брюках, причёсанный, только чёрная борода топорщилась, не желая подчиняться.

Таня усмехнулась:

— Да уж покрасивее тебя, — эти фразочки были из их настольной книжки про Незнайку. Андрей погладил её по волосам.

— Осторожно, не выдери последние! — испугалась Таня.

— Да всё у тебя с ними хорошо, не переживай! И костюм мой любимый — сиреневый, ты в нём похожа на учительницу — такую стройную, серьёзную.

Да, костюм этот она тоже любила, её единственный выходной — с белой блузкой, искусственными бусами-жемчужинами, пиджак и юбка цвета нежной фиалки.

— Мам, положи к себе мою Пушинку! — подбежала Аня, протянула белую игрушечную собачку. — Она пойдёт со мной в школу!

“Ой, зачем? С игрушкой? Над ней же будут смеяться”, — заволновалась Таня. Но посмотрела на улыбающуюся Аню и всё же засунула в сумку собачонку.

— Так, давайте, берите букет с балкона и обувайтесь, я сейчас. Фотоаппарат не забудьте! И надо Ане ветровку обязательно надеть — уже не лето.

— Организатор ты наш любимый, — улыбнулся Андрей.

— Ну что, готовы? Всё взяли, ничего не забыли? Пойдёмте. Господи, благослови! — перекрестилась Таня.

Они вышли во двор — Аня несла жемчужного цвета розы с веточками чего-то, похожего на зелёный укроп. Огромный букет, чуть ли не с неё размером. Таня вдохнула утренний воздух — в нём будто перемешались лето и осень. Лето с его беззаботностью, беспечными жаркими днями, когда можно собирать спелую малину с куста, класть в рот и наслаждаться сладкими зёрнышками, хрустящими на зубах, сидеть в тени парка и вязать крючком кофту, пока Аня играет — собирает листики или бегаёт, ловя ракеткой бабочек...

И осень — с прохладным воздухом, инеем на траве — как сединой в волосах — напоминанием о зиме. С новыми обязанностями и ответственностью — школой, уроками. Как будто встретились детство и взрослость, молодость и старость. И лето уже не вернётся...

“Теперь я — мама школьницы, первоклассницы. Как же так?” — эта мысль полностью не уместилась в ней.

— Не холодно? Застегнись, может? — она взяла горячую руку Ани. — Ну что, где будем фотографироваться? — оглянулась вокруг. Прямо через дорогу от их подъезда начинался лесок, летом они собирали там малину и бегали по утрам на зарядку.

— Да давайте здесь, на фоне нашего леса, — Андрей вытащил из футляра старенький фотоаппарат. — Кролька, становись на дорожку, сюда, улыбайся. Букет чуть повыше, вот так! Отлично, смотри в это окошко, приготовься, сейчас вылетит птичка, — он щёлкнул.

— А теперь ты, Танечка!

Ей совсем не хотелось фотографироваться — она получалась похожа на черепашку Тортиллу в больших очках. Но Андрей подтолкнул Таню.

— Да всё у тебя хорошо, не переживай.

И она встала чуть сзади Ани, а та подняла букет и выглядывала из-за него, как будто играла в прятки.

— Ладно, пора идти, а то опоздаем, уже десять минут девятого! — Таня взяла за руку Аню, крепко сжала её ладошку. “Держать бы её вот так, быть рядом... А впрочем, нет. Иначе что ж, всю жизнь вести её за руку? Нет, ей нужно и самой. Но страшно, вдруг она свернёт не туда? Надо постепенно ослаблять свою руку. Скоро уже не возьмёшь её так просто, не обнимешь, она и так уже ёжиком бывает. А хочется обнять, уткнуться в пушистые волосы, поиграть с маленькой кудряшкой, выющейся за ухом”, — она вздохнула.

Солнце подмигивало сквозь ещё зелёные листья деревьев, желтоватые кое-где пряди берёз добавляли золотистого света в это утро. Таня глянула на дочку, вышагивающую с букетом, в белоснежных колготках, красных лакированных туфельках, улыбнулась: “А всё-таки здорово, празднично сегодня!”

— Анечка, ты там будь умницей, слушайся Надежду Александровну, подойди в классе, подари ей букет. И внимательно всё запоминай, с Настей не болтай на уроке, — серьёзно сказала она.

— Да не переживай, Танечка, она разберётся, — сказал Андрей.

Они вошли на школьный двор, попали в водоворот нарядных ребят с бантами, букетами. У кого-то в руках были шарики. Таня не выпускала Анину руку, нашла первый “В” класс, встала рядом.

— Mam, ну, я сама уже. — Аня освободила руку, нерешительно подошла к первоклассникам, увидела Настю, лицо озарилось улыбкой. “Ну, всё, встретились подружки, я больше не нужна!” — подумала Таня.

Учительница Надежда Александровна в тёмно-синем строгом платье оживлённо улыбалась, оглядывала своих новых учеников. “Теперь она — вторая мама для Ани, как говорится. Ну, что ж, надеюсь, не зря мы её выбрали, она опытный учитель, мудрая, справедливая. И добрая”. — Таня смотрела, как на лице учительницы от улыбки появлялись лучики морщинок вокруг глаз, успокаивала себя, но сердце сжималось.

Синий шарик, отделившись от толпы, полетел ввысь, в небо. Видимо, его не удержала детская рука. Он стремился ввысь, подхваченный ветром, а Таня глядела на него — как он удаляется, становится синей точкой и тает в небесах. Почему-то навернулись слёзы. “Не улетай!” — хотелось крикнуть ему.

Поздравления директора разносились над всеми, а перед глазами Тани поплыли кадры, будто она сама вдруг снова стала Танечкой Ивановой. “Как же так? Ведь совсем недавно я стояла с букетом сиреневых астр, в белом переднике и с двумя тугими косичками. И такая толпа детей была вокруг, и праздничный марш звучал, директор нашей школы что-то говорил, а я мечтала поскорее пройти в класс, сесть за парту и получить букварь. Так хотелось почувствовать себя взрослой, с букварём. А потом — и с октябрьской звёздочкой...”

Торжественная часть завершалась, все двинулись в школу дружными рядами. Аня обернулась, кивнула на прощанье и ушла со своим классом, а Таня осталась стоять, выглядывая из-за голов остальных родителей. Зазвучала песня “Школьные годы чудесные... Как они быстро летят, их не воротить назад... Школьные годы...”

— Танечка, пойдём? — Андрей взял её за руку. — Давай выберемся из толпы?

Они отошли подальше от шумных нарядных ребят, родителей.

У Тани слёзы стояли в глазах. “Время, почему ты летишь со скоростью поезда, и только пейзажи и станции мелькают за окном? А тогда, в детстве, каждый день казался большим, необъятным...”

Вспомнилось, как во втором классе они сделали стенгазету “Охота на учителей” — сами придумали, так красиво нарисовали карикатуры, всю душу вложили... И потом их ругали все, классная руководительница кричала: “Даже Таня Иванова, моя отличница! Как же ты могла!” — И было страшно стыдно.

А в пятом классе сбежали с подружкой и двумя мальчишками с последнего урока и пошли собирать сирень. И Валерка Костин подарил Тане целую охапку, а потом молча проводил до дома и убежал.

А в девятом она организовывала арбузники — дружные посиделки всем классом с песнями, стихами, и в начале вечера разрезали арбуз, обвязывая веревочкой, чтобы он стоял будто целый. В середине праздника верёвочку убрали и — та-дам! — рассыпаются алые дольки, все их подхватывают, хохочут, хрустят спелой мякотью, по рукам течёт сладкий сок. Читают стихи, играют в фанты... Смеющиеся лица, песни под гитару...

Слёзы потекли по щекам, она, как ребёнок, уткнулась в плечо Андрея.

— Ну что ты, моя хорошая? Ну-ну, что случилось? — Он ласково обнял ее.

— Почему... почему жизнь прошла так быстро? — всхлинула она.

— Миленький ты мой... — Он взял её маленькую руку, почти детскую, в свою — большую. — Жизнь наша временная, быстротечная, ты же знаешь. Она всего лишь пар, являющийся на мгновение и исчезающий. Важно, какие плоды мы принесём... А впереди нас ждёт вечность. — Его голос звучал тихо и мудро. — Но ты не огорчайся, жизнь-то ведь ещё не прошла. Поживём ещё, даст Бог. Да и Кролька вон теперь... Мы вместе с ней всё пройдем, как заново!

— Это да, — грустно сказала Таня, сняв очки и утирая платочком слёзы. — Просто жалко... — Она не договорила.

На школьный двор вместе с остальными ребятами вылетела смеющаяся Аня с букварём, на платье приколота бумажная ромашка.

— Пошли скорее встречать, а то испугается, потеряет нас, — заторопилась Таня. — У меня глаза не красные?

— Чуть-чуть, но это незаметно, всё хорошо. — Андрей взял её за руку. “Что бы я без него делала!” — благодарно подумала Таня.

— Мама, папа! Смотрите! — закричала Аня, протягивая им букварь, скороговоркой выпалила:

— А ещё там такая девушка красивая была, кудрявая десятиклассница, и парень, и они раздавали нам цветки, а потом Надежда Александровна, ой, то есть я подарила ей букет, и нам дали буквари, и сказали... — она остановилась отдышаться.

Таня погладила её по голове, поправила бант, обняла.

— Ты моя хорошая! Здорово! Ну что, давайте сфотографируемся и пойдём гулять?

День разогревался, солнышко по-летнему припекало, Тане захотелось снять босоножки на каблуках, учительский костюм, переодеть удобные туфли и уйти в лес всей семьёй.

И вот они топают к дому, Аня щебечет про школу, про Надежду Александровну, а Таня улыбается. Да, похоже, они и вправду заново переживают всё.

— А давайте купим большой арбуз? — предложила она. — А ещё я испеку кое-что! А сейчас пойдём гулять.

— Ура, давайте! Только гулять пойдём в детский городок, я хочу на корабль! — заявила Аня.

Они шли втроём по солнечной дорожке, вокруг сосны устремляли ввысь свои мохнатые головы, дорожка под ногами была усыпана хвоинками.

— Чувствуете, какой аромат? Нагретая смола и солнце! Это очень полезно, фитонциды, давайте дышите как следует! — И Таня начала сама

глубоко вдыхать, как будто хотела набрать про запас этого янтарного целебного воздуха.

— А смотрите, рябинка уже покраснела, вон какие грозди, видите? — Таня указала на нарядное деревце.

Они вернулись домой.

— Так, ладно, вы разберитесь с арбузом, помойте его как следует, а я пошла переодеться, готовить обед и печь шарлотку, — распорядилась Таня.

Она замешивала тесто, аккуратно растирая комочки муки, и думала: “Да, сегодня Ане вручили букварь, скоро выдадут новые прописи. Вот так же и мне, да и всем нам дана книга с чистыми страницами — жизнь. А что я пишу в ней? — она отвлеклась, услышав смех Ани, перебор гитарных струн, голос Андрея. — А что я уже написала в своей книге? — продолжила мысль Таня. — Добрые ли это слова, или я порчу листы, пишу ерунду, пропускаю страницы? А ведь они перелистываются день за днём, и неизвестно, когда завершится последняя глава...”

Она выложила тесто в круглую форму, сверху — аккуратные ломтики яблок, посыпала корицей с сахаром.

“Господи, помоги мне написать хорошую, непустую, светлую книгу! И пусть книги моих близких не будут испорчены моим почерком, пусть и в них я напишу о чём-то добром!”

Тесто тонкими дорожками укрывало яблоки, и как обычно, его оказалось чуть меньше, не хватило на всю шапочку для пирога. Таня разровняла его ложкой, улыбнулась. “Да, пусть жизнь течёт быстро, я не могу этого изменить... Но в каждом дне я в силах сделать что-то для других. Чтобы их жизнь стала немножко светлее”...

...Мама, моя хорошая. Как же так? Как это случилось, что тебя больше нет... Я не успела договорить с тобой, и уже ничего не изменишь. Не получится больше пройтись под руку по парку, шурша листьями. И я не смогу взять трубку со словами: “Да, мам, привет, пока не могу говорить, перезвоню через полчаса. А я дописала новый рассказ про тебя!”

Всё это осталось там, в прошлом — и номер телефона, и твоя последняя СМС — на память.

И я проваливаюсь куда-то в разлом между прошлым и настоящим. Выкарабкиваюсь, иду по кромке этого ущелья, решаю текущие дела, улыбаюсь дочке. И снова потихоньку плачу.

Я верю, что душа жива и всё слышит, и пишу тебе сейчас, чтобы выразить то, что не успела, недосказала. Почему мне казалось, что ты будешь всегда? Ты говорила: “Меня может скоро не стать”, — а я относилась к этому легкомысленно и не ценила твою заботу, как будто это само собой.

Я вспоминала недавно, глядя на фотографии, наше солнечное первое сентября 1997 года, тебя — такую молодую, красивую, с вьющимися волосами, в сиреневом костюме, похожую на элегантную учительницу. Тогда, в детстве, ты была для меня самой красивой, и я не понимала, почему ты себе не нравилась.

Почему же ты не давала себе отдыхать, жила последние несколько лет в тревогах? Это истощило тебя и не дало сил справиться с болезнью, ты не смогла дышать... Вот бы тебе туда, в больницу, прямо в лёгкие — того янтарного воздуха из нашего соснового леса...

Почему же ты побоялась сделать прививку от ковида? Если бы не это, ты бы сейчас жила! Приезжала бы к нам в Калугу, гуляла с Сонюшкой, любовалась, как ветер гуляет на наших бескрайних полях, как солнце садится за лес.

Я так мечтала, что ты приедешь из шумной Москвы к нам, в нашу тишину... И ты приехала... но иначе: мы похоронили тебя здесь, на калужской земле, и ветер качает макушки сосен над твоей могилой.

Мне трудно в это поверить, это можно принять только по кусочкам, не всё сразу. И потихоньку нащупывать, что я беру в свою жизнь от тебя.

Ведь ты продолжаешь жить во мне.

Когда обнимаю дочку и беру под крылышко в тёплый вязаный платок, сажаю на колени и качаю — как ты меня в детстве.

Когда пеку бисквит, аккуратно растираю комочки муки в тесте, выкладываю ромашкой яблоки и посыпаю корицей.

Смотрю в зеркало и вижу этот серьёзный учительский взгляд, сквозь который проглядывает весёлая жизнерадостная девочка — как ты.

Или вдруг встаю руки в боки и команду: “Значит, так, давайте-ка решим!” — хочу всех организовать, составить чёткий план, всё проконтролировать.

Столько разного живёт во мне — твоего. Тёплого, любимого, родного. И того, что я не принимала, осуждала — хочется завершить это на себе. А любимое и родное — приумножить, передать дочке, выразить в своих рассказах. Чтобы ты продолжала жить через нас.

Как семечко, которое сажают в землю, — и оно прорастает, приносит плод.

Я недавно думала: в чём можно измерить плоды твоей жизни?

Может быть, это написанные книги — те добрые сказки, которые ты создала в последний год жизни — для внуков. Тёплые слова поддержки и тихое сочувственное молчание, когда взгляд и улыбка выражают всю твою любящую душу. Яблочный пирог, испечённый для близких. Дружный вечер с арбузом и песнями под гитару. Маленькая натруженная рука, которая с любовью сжимает и направляет горячую детскую ладошку...

Как измерять плоды жизни человека?

Я верю — там, в вечности, мы поймём это. Узнаем, что правда имело ценность, а что было шелухой.

Верю, что наша разлука не навсегда — иначе всё бессмысленно. Бессмысленно, как холодное тело без души.

А пока я буду продолжать жить и творить с любовью и заботой, как это делала ты.

Мама, спасибо тебе. До встречи. Твоя Кролька.